

РАЗВЕДКОРПУС

Марта Петерсон

ВДОВА-ШПИОНКА

Как работа в ЦРУ привела меня
из джунглей Лаоса в московскую тюрьму

CoRpus

Разведкорпус

Марта Петерсон

**Вдова-шпионка. Как работа в
ЦРУ привела меня из джунглей
Лаоса в московскую тюрьму**

«Corpus (АСТ)»

2012

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44

Петерсон М.

Вдова-шпионка. Как работа в ЦРУ привела меня из джунглей
Лаоса в московскую тюрьму / М. Петерсон — «Corpus (АСТ)»,
2012 — (Разведкорпус)

ISBN 978-5-17-111214-1

«Вдова-шпионка» – воспоминания бывшего сотрудника ЦРУ и первой женщины-агента, участвовавшей в разведывательных операциях в Москве. В 1970-х американка Марта Петерсон была отправлена в СССР, чтобы установить контакт с информантом под кодовым именем Тригон и на месте добывать ценные советские документы для американской разведки. В своей книге Марта Петерсон вспоминает, как решила стать агентом ЦРУ, делится впечатлениями от жизни в советской Москве, раскрывает подробности операций и рассказывает историю разоблачения их главного информанта и своего ареста, который вызвал международный скандал и которому КГБ даже посвятил отдельный стенд в своем музее. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-111214-1

© Петерсон М., 2012
© Corpus (АСТ), 2012

Содержание

Благодарности	6
Пролог	7
Глава 1. Паксе, Лаос – июль 1971 года	10
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Марта Петерсон

Вдова-шпионка. Как работа в ЦРУ привела меня из джунглей Лаоса в московскую тюрьму

Martha D. Peterson

The Widow Spy. My CIA Journey from the Jungles of Laos to Prison in Moscow

© Martha D. Peterson, 2012

© Е. Фоменко, перевод на русский язык, 2021

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2021

© ООО «Издательство Аст», 2021

Издательство CORPUS ®

* * *

Посвящается Джону Петерсону

Благодарности

Я хотела бы поблагодарить всех, кто приложил руку к созданию этой книги. В число этих людей я включаю тех, кто подарил мне лучшие моменты жизни: моих родителей Дороти и Райли Денни, мою сестру Мэри-Элис, моего покойного мужа Джона, моего мужа Стива и моих детей, Тайлера и Лору.

В своем первоначальном виде эта книга родилась в рамках курса по написанию мемуаров под руководством великолепной Агнес Макдональд. Вместе с двумя моими однокурсницами, Элеанор Прайс и Райзой Келл, я искала новый язык, для того чтобы описывать свою жизнь и доносить свои идеи, и не боялась при этом пробовать различные подходы. Их комментарии и необходимость еженедельно сдавать по несколько страниц дарили мне вдохновение писать и делиться написанным с такой приятной аудиторией.

Я хочу поблагодарить моего литературного агента Дэна Мэндела из *Sanford Greenberger and Associates*, который долгие месяцы работал со мной, пока история обретала законченную форму, а затем без устали искал возможность ее опубликовать. Я также хочу сказать спасибо Роберту Уоллесу, который был совершенно уверен в моих силах, придавая мне стимул работать дальше.

Два моих редактора, Роберта Иглер и Мэри-Элис Денни, по-новому взглянули на мой труд и предоставили конструктивную критику, которая позволила мне преобразовать личный рассказ в настоящую документальную прозу об увлекательных приключениях одной женщины в любопытные периоды истории. Энн Маккрей технически руководила моей работой, а также заражала меня энтузиазмом, выступая в качестве моего инструктора и наставника.

Эта книга не увидела бы свет без помощи моего друга Т. Деви Роуллендса, который составил для меня четкий график, заставляя все делать в срок, не позволяя мне расслабляться и неустанно меня подбадривал.

И еще спасибо вам, читатели. Я рада, что вас продолжает интересовать холодная война и ее существенные последствия, ощущаемые по сей день.

Наконец, спасибо всем, кто сегодня работает на ЦРУ в опасных и непредсказуемых местах: празднуйте наши победы, пусть и без фанфар.

Пролог

В городке Маклин, штат Вирджиния, стояло прелестное утро. Прежде чем уйти на работу, я оставила на кухне записку, положив ее на видное место, чтобы дети точно обратили на нее внимание. Дело было в апреле 1997 года. Тайлеру уже исполнилось семнадцать, Лоре – пятнадцать. Занятий в школе в тот день не было, равно как не было и никаких планов, поэтому любое мое предложение вполне могло детей заинтересовать. Не знаю, почему я решила все рассказать им именно в тот день, гадая, как они воспримут мой секрет. Может, для них это и не имело особенного значения, но я все равно переживала.

Друзья на работе предостерегали меня, что с признанием нельзя затягивать, иначе дети рассердятся из-за того, что я не смогла довериться им раньше. Я учила их говорить правду и только правду, а теперь мне предстояло признать, что сама я им врал.

Лора позвонила мне около десяти утра, проснувшись от жуткого голода. Сонным голосом она спросила, что случилось и почему нам надо встретиться за обедом. Я знала, что в этот момент она думает лишь об одном – о завтраке. В детстве по утрам она сама выбиралась из кровати, топала в пижаме по коридору, залезала на стул и ждала, когда я насыплю ей хлопья. Затем я только и слышала, как бряцает ложка, пока она наполняет топливом свой маленький, опустевший за ночь бак. Закончив, она с довольным видом забиралась ко мне на колени, чтобы получить свою порцию обнимашек. С тех пор по утрам она все так же хотела есть, но теперь насыпала себе хлопья сама.

Я ответила, что хочу встретиться с ними за обедом, потому что в Страстную пятницу они не учатся. Мне показалось, что это подогрело ее любопытство, ведь мы никогда не обедали вместе. Лора пообещала разбудить Тайлера и к полудню приехать в Маклин. Я заверила ее, что Тайлер знает, где искать ресторан “Рой Роджерс”.

Минут через пятнадцать после того, как я припарковалась у ресторана, Тайлер поставил на соседнее место свой “Шевроле-Блейзер”. Перебравшись ко мне в машину – Лора села на переднее сиденье, а Тайлер устроился сзади, – дети спросили:

– В чем дело?

Как ни странно, хотя мне в жизни пришлось сыграть немало ролей, я не придумала подходящей преамбулы для того, что хотела им рассказать, и просто выпалила:

– Я работаю в ЦРУ.

Лора озадаченно посмотрела на меня, но Тайлер отреагировал быстро, немало меня удивив. Впрочем, он всегда очень много знал.

– Она шпионка, – сказал он.

Мы все рассмеялись. Это казалось абсурдом. Мама – шпионка?

Чтобы заполнить неловкое молчание, я объяснила им, почему мне приходилось их обманывать. Пока они были маленькими, я не раскрывала им свой секрет, потому что дети не могут в полной мере осознать, что разоблачение сотрудника ЦРУ может подвергнуть опасности семью, живущую за границей. Когда в 1992 году, сразу после войны в Персидском заливе, мы уехали за океан, я должна была точно знать: если школьный автобус захватят террористы, то моим детям в голову не придет, что их мама работает в ЦРУ. Они могли сказать только ту “правду”, которую знали. Но теперь, когда они стали старше, я готова была доверить им свою тайну. Кроме того, мы жили в США, где школьные автобусы в безопасности.

Дети почувствовали, как непросто мне признать, что я их обманывала. Я смотрела на них, гадая, не слишком ли поздно я решила им обо всем рассказать. Услышав следующий вопрос дочери, в котором ясно звучали нотки обиды, я решила, что запоздала с признанием.

– О чем *еще* ты нам не рассказываешь, мамочка?

Но затем я увидела у нее на губах легкую улыбку – казалось, Лора радовалась, что ей удалось поймать меня на лжи. Тайлер тоже улыбался. Я поняла, что они не затаили обиды, и мне стало легче. Само собой, они хотели узнать, кто я на самом деле, и я решила рассказать им все с самого начала, хотя мне всегда было сложно рассказывать эту историю, не чувствуя при этом, что я хвастаюсь.

Мы приехали в штаб-квартиру ЦРУ, которая находилась километрах в полтора от ресторана, и я предложила детям пообедать в столовой. Помимо еды, их интерес подогрела обещанная мною возможность заглянуть в сувенирный магазин. Когда мы завернули к главной проходной, я вдруг поняла, что она выглядит совершенно непримечательно. Утром я внесла детей в официальный список гостей. Когда я остановилась у шлагбаума, часовой попросил их показать удостоверения личности. Они удивились, что он обращается прямо к ним. Часовой внимательно изучил их удостоверения, наклоняясь к окнам машины, чтобы сравнить их лица с фотографиями, а затем вернул документы вместе с временными красными пропусками для гостей, которым нужно сопровождение. Дети впечатлились количеством формальностей при въезде в ЦРУ. По сей день они вспоминают, как их поразил столь официальный прием.

По пути к большой трехэтажной парковке в задней части комплекса мы проехали мимо главного здания. Его часто показывали в новостях, но дети сказали, что они его не узнают. Возможно, я переключала канал или просто не заостряла их внимание на здании, когда оно становилось фоном для очередной шпионской истории. Я поставила машину на свое место на первом этаже парковки, и Лора не преминула заметить, что место у меня так себе. Услышь это мои коллеги, они разразились бы хохотом. Но разве она могла знать, что собственное место на парковке было желанной привилегией, даруемой лишь после многих лет упорного труда? Тем же, кто еще не заслужил своего места на крытой парковке или одной из ближних стоянок, приходилось оставлять машину далеко, на так называемой западной стоянке, открытой для всех. Я не стала поправлять Лору, но сказала ей, что на крытой стоянке зимой машина защищена от снега, а летом – от знойной вашингтонской жары.

Моя история должна была стать для них шоком, но я решила излагать события своего прошлого выборочно. Пока мы шагали по длинному тротуару, ведущему к новой штаб-квартире, я неспешно начала свой рассказ с того, как в 1975 году познакомилась с их отцом, Стивом, в Москве, где мы оба работали в разгар холодной войны. Миновав турникеты, мы спустились по эскалатору на первый этаж, где я показала детям копию самолета-разведчика U-2, подвешенную в атриуме под потолком на уровне четвертого этажа. Я рассказала им о Гэри Пауэрсе, которого сбили на территории Советского Союза в 1960 году, когда я была примерно в их возрасте. Дети слушали меня внимательно, глядя по сторонам и изучая проходящих мимо людей. Похоже, они не могли поверить в то, что оказались тут.

В атриуме первого этажа мы заглянули в музей, где были выставлены шифровальные машины “Энигма”, обмундирование и другие шпионские артефакты времен Второй мировой войны. К музею дети проявили сдержанный интерес – им явно не терпелось узнать, чем занималась я. Пока мы шли по коридору к фойе главного здания штаб-квартиры, рассматривая портреты бывших директоров управления, я гадала, как эта часть моей истории отразится на них.

Справа в фойе стояла внушительная, выше человеческого роста, статуя генерала Donovan, над которой были высечены слова: “И познаете вы истину, и истина сделает вас свободными”. Я рассказала о заслугах Donovan на посту руководителя Управления стратегических служб и призналась, что недавно получила премию Donovan за достижения в годы работы. Я знала, что тем самым пробуждаю любопытство детей. Мы вышли в центр фойе и встали на самой середине огромной эмблемы ЦРУ, выложенной на полу серым мрамором разных оттенков. Детей поразило это место и мое явно близкое знакомство с ним.

Я провела их на другую сторону фойе, где на стене темнели выгравированные звезды. Стоя перед ними вместе с детьми, я прочла вслух начертанные над ними слова: “Вечная память сотрудникам Центрального разведывательного управления, отдавшим жизнь на службе своей стране”. Мы сели на скамейку перед величавой, но безмолвной стеной со звездами.

Как признаться детям, что у тебя была жизнь задолго до их рождения, до встречи с их отцом, до появления нашего уютного дома в Аннадейле, в Вирджинии? Я взглянула на детей, которые почувствовали мое настроение, и у меня на глаза навернулись слезы.

– До знакомства с вашим отцом я уже была замужем. Моего мужа звали Джон Петерсон. Мы познакомились в колледже. – Я заглянула детям в глаза. Они молча смотрели на меня, не веря своим ушам. – Он служил в спецназе во Вьетнаме, а затем устроился в ЦРУ. Он был чудесным, смелым человеком. – Я тихо продолжила: – Он погиб в 1972 году.

Дети моргнули. Слезы покатались у меня по щекам.

– Здесь есть звезда Джона, – прошептала я, повернувшись к звездам.

Я подошла к стене и легонько коснулась той звезды, которая была выгравирована в его честь. Ребята последовали за мной. Лора нежно взяла меня за руку своей маленькой рукой, а Тайлер приобнял меня, словно желая защитить. Они разделяли мою горечь.

Мы немного помолчали. Я указала на звезду Джона в лежащей за стеклом книге, где были перечислены имена павших и оставлены пустые места напротив звезд тех сотрудников, личность которых по-прежнему не раскрывалась. Мы молча постояли перед стеной, после чего ребята по очереди коснулись звезды Джона так же нежно, как и я сама. Они все поняли. Но я знала, что у них появится море вопросов, как только они осмыслят эту новую реальность.

Не говоря ни слова, мы снова поднялись по лестнице и прошли к экспонатам времен холодной войны, на время предоставленным управлению признанным специалистом по шпионской экипировке и коллекционером Китом Мелтоном. Я знала, что детей заинтересуют эти вещи, и особенно моя связь с ними. Оживившись, я принялась рассказывать, что в стеклянных витринах и рамках можно увидеть настоящую шпионскую экипировку, собранную Мелтоном после распада Советского Союза. На выставке были представлены миниатюрные камеры, кинжалы и пистолеты для потайного ношения, противогазы, колючая проволока с Берлинской стены, крохотные подслушивающие устройства и всевозможные тайники – словом, классные штучки, без которых не обходился ни один захватывающий шпионский триллер.

Тайлеру и Лоре хотелось узнать, пользовалась ли я этим оборудованием и чем именно я занималась. Я попросила их подождать до обеда в столовой, где я намеревалась рассказать им остальную часть истории. Мне казалось, что им непросто будет узнать все разом, в один день. Их мама – шпионка в ЦРУ. Их мама уже была замужем. А теперь еще и московская история.

Глава 1. Паксе, Лаос – июль 1971 года

Мы с Джоном покинули Вьентьян и отправились на юг, в Паксе, третий по величине город в Лаосе (население – 35 000 человек). Мы летели на старом двухмоторном самолете С-47, словно сошедшем со страниц комикса “Терри и пираты”. Его прозвали “50 кипов”, потому что у него был бортовой номер 50К, а валютой Лаоса были кипы. Садиться мы через заднюю дверь, потому что внутри проход устремлялся резко вверх, к самой кабине, и садиться спереди было несподручно. Сиденья стояли в два ряда, по два кресла с одной стороны и по одному с другой. Самолет вмещал 40 пассажиров. Мы с Джоном сели рядом, и это помогло мне немного унять волнение перед началом нового совместного приключения.

Я забыла, как громко работают двигатели винтовых самолетов и как резко они взлетают в небо. Пилот “Эйр Америка” в защитного цвета форме без опознавательных знаков и настоящей капитанской фуражке без кокарды вывел самолет на взлетную полосу, нажал на тормоз и стал увеличивать количество оборотов двигателей, пока те не завизжали и не задрожали. Когда двигатели разогнались до предела, пилот отпустил тормоз, и мы помчались по взлетной полосе. Мы подозрительно долго катились по неровному бетону, но в конце концов взмыли в воздух. Оказавшись над городом, я увидела лабиринт вьентьянских грунтовых дорог, расходящихся от немногочисленных асфальтированных бульваров, соломенные крыши множества маленьких домиков на сваях и широкую, могучую, грязно-коричневую реку Меконг, которая разделяет Лаос и Таиланд. Двигатели чуть сбавили обороты, самолет выровнялся, и я расслабилась, готовая к последнему отрезку нашего переезда на новое место в самом южном городе Лаоса.

Во Вьентьяне мы провели два дня, улаживая формальности и встречаясь с людьми, к которым должны были обращаться, если нам что-нибудь понадобится, когда мы окажемся “в глуши” Паксе. Люди встречали меня приветливо, но мне было очевидно, что я здесь на положении супруги – одной из многих, а не единственной в своем роде. Они спрашивали, хочу ли я работать, и я всегда отвечала “да”, хотя и не знала точно, о какой работе идет речь. Я написала свою автобиографию и заполнила многостраничную анкету, указав сведения об образовании, опыте работы, родителях, сестре, браке, местах проживания и родственниках, живущих или работающих за границей. Анкета была длинной, но простой. Офицер службы безопасности провел для меня инструктаж, но в целом на меня никто не обращал особого внимания.

Пока мы с Джоном были во Вьентьяне, мы успели пообедать в великолепном французском ресторане “Мадлен”, открытом еще во времена французской оккупации. Там мы заказали превосходный грибной крем-суп, вкуснее которого я, пожалуй, в жизни не ела. Свежие, почти хрустящие грибы плавали в густой кремообразной похлебке, приготовленной с добавлением капли чудесного хереса. Мы также заглянули в местное пристанище американцев, бар “Спот” в отеле “Лансанг”, где музыканты играли *Yellow River* и *Country Roads*. Джон встретился там с несколькими знакомыми из Вашингтона. Представляя меня, он говорил: “Это моя жена”, – но при рукопожатии я всегда добавляла: “Марти”. Я начинала понимать, что значит быть супругой сотрудника ЦРУ. Жена была положена Джону по званию, как машина, дом и рабочее место.

По дороге в Паксе наш самолет сделал посадку в небольшом городке, где жили сотрудники ЦРУ со своими семьями. Сначала нам предстояло отправиться именно туда, но планы изменились, когда в апреле 1971 года американские женщины и дети были эвакуированы из Паксе после серьезного минометного обстрела города силами Вьетнамской народной армии. У нас с Джоном не было детей, а потому мы лучше подходили для работы в Паксе. Мне было все равно, куда ехать, а Джон, кажется, даже обрадовался, потому что он знал, что в Паксе будет интереснее.

На подлете к аэропорту Паксе я увидела на востоке высокие горы. Успев немного изучить Лаос, я знала, что это плато Боловен, возвышающееся примерно на 1000 метров над уров-

нем моря. Восточнее, за этими горами, находился Южный Вьетнам. Мы подлетели к маленькому аэропорту с короткой взлетной полосой. Посадка прошла не слишком гладко – бетонному покрытию не шли на пользу ежегодные сезоны дождей. Самолет подъехал к зданию из рифленого железа размером с сарай. При мысли о том, что в этом аэропорту мне не найти знака “Добро пожаловать в Паксе”, я рассмеялась. Сотрудники аэропорта подкатали трап к задней двери самолета, и мы прошли к выходу. Нам в лицо сразу пахнуло горячим, липким, влажным воздухом.

Джон сказал, что с нами летели в основном лаосцы и несколько тайцев. Мне все они казались одинаковыми. Американок в самолете больше не было, а американцев было всего двое. Я обратила внимание, что чем дальше на восток мы продвигались, тем выше становились в сравнении с местным населением. Благодаря этому нам было легче находить друг друга в толпе, но сложнее оставаться неприметными.

Спустившись на землю, мы встали у хвоста самолета, ожидая, пока выгрузят всевозможный багаж: вещмешки, переполненные холщовые сумки, старомодные чемоданы с защелками, непонятные бесформенные свертки и наконец два наших чемодана. Представьте только: мы приехали на другой конец света, взяв с собой лишь по чемодану, а остальное отправив следом в огромном сундуке! Нас ждала простая жизнь.

Лаосцы и тайцы рассеялись. Одни отправились в город на местных такси – маленьких автомобилях, все окна которых были открыты для циркуляции воздуха, в равной степени пыльного и влажного. Других встретили друзья на пикапах и мотоциклах. Третьи просто побрели пешком по грунтовой дороге в сторону города.

Нас же прямо у самолета встретил Карл, который руководил нашим маленьким отделением в Паксе. Он сказал, что рад нас видеть, а Джону рад особенно, потому что в Паксе не хватает рабочих рук. Карлу было за сорок. Его седые волосы были коротко подстрижены, а кожа потемнела от загара. Он был невысок, мускулист, дружелюбен и вежлив, и все в нем выдавало военную выправку. Он приехал на бежевом “Джипе-Вагонире”, который, впрочем, вполне мог быть кремовым или белым, потому что краска скрывалась под толстым слоем дорожной пыли. Джон положил наши чемоданы в багажник, и я села на засыпанное песком заднее сиденье. Окна джипа были открыты, и внутрь летела пыль с подъездной дороги к аэропорту. Карл свернул на главную двухполосную дорогу – единственную асфальтированную дорогу, проходившую через Паксе. Тротуаров и бордюров не было: маленькие домики и хижины стояли вдоль дороги прямо на земле. Я запоминала все, что видела, и гадала, смогу ли приспособиться к новой жизни в этом далеком, примитивном городке.

– Как долетели? – спросил Карл, посмотрев на меня в пыльное зеркало заднего вида, и тут же добавил: – Вы хотите работать?

“Кем работать? Что делать?” – задумалась я, но все же улыбнулась и ответила:

– Конечно.

Карл кивнул.

Он свернул налево на грунтовую дорогу, которая вела к так называемому американскому комплексу, где во дворе двухэтажного оштукатуренного дома в европейском стиле стояла высокая металлическая радиоантенна. Позднее я узнала, что в этом желтом доме жили Элси и ее муж Джим, командующий воздушными операциями, которого прозвали Серым Лисом за богатый опыт и серебристую седину. Карл показывал нам местные достопримечательности вроде стоящей по правую руку школы, которая опустела, когда весной американские семьи с детьми были эвакуированы после минометного обстрела. Рядом со школой находился командный пункт подразделения армии США, где жил и работал американский военный врач. На всякий случай я запомнила и это.

Карл указал налево – на парковку, крытую ярко-зеленой крышей из гофрированного пластика. Она напоминала кинотеатр под открытым небом из тех, что были популярны в пятиде-

сые, не хватало только девушек на роликах. Карл назвал стоящее позади нее здание базой. Не останавливаясь, мы поехали дальше по грунтовой дороге, испещренной огромными рытвинами, в которые мы то и дело проваливались. У джипа были огромные колеса, и Карл прекрасно маневрировал между ямами. Как я узнала впоследствии, врач назвал слишком быструю езду по этим рытвинам причиной боли в животе у одной из других жен, которая, вероятно, страдала от ушиба яичников. Диагноз был довольно любопытным, но, если судить по моему опыту, вполне правдоподобным.

Повернув направо, мы проехали мимо теннисных кортов, но не заметили рядом ни бассейна, ни клуба, а затем миновали еще одну улочку с четырьмя домами. Карл остановился чуть дальше, у деревянного дома, который ничем не отличался от всех остальных.

– Вот ваш дом, – сказал он.

Неужели? Я вылезла из джипа, смахнув за собой всю пыль.

– Он построен в лаосском стиле, – ответил Карл на мой безмолвный вопрос, почему я не вижу ни застекленных окон, ни массивной входной двери.

Он провел нас на первый этаж, который был полностью обнесен сеткой, и сетчатая дверь захлопнулась за нами. На бетонном полу лежала подернутая плесенью бежевая циновка. В дальнем углу вокруг журнального столика стояли четыре старых, выдавших виды плетеных кресла. Я представила, как утром, перед тем как отправиться на работу, мы пьем там кофе или вечером потягиваем холодное пиво. Судя по оставшимся на столике следам от стаканов, у прошлых жильцов были похожие привычки. Мне приятно было понимать, что мы в этом доме не первые и, скорее всего, не последние.

Повернувшись к Джону, я увидела целую гору пыльных мешков с песком, прямоугольником уложенных у дальней стены.

– Что это? – тихонько спросила я у Джона.

– Наш бункер, – просто ответил он.

Стоило мне услышать это, как у меня перед глазами замелькали картинки из новостей. Бункер. Выстрелы, оглушительные взрывы. Я смотрела сводки из Вьетнама, которые повторялись довольно часто. Наличие бункера не означало ничего хорошего. Я представила, как солдаты скрываются в бункерах. Велев себе не думать об этом, я посмотрела на Джона. Он сделал мне знак следовать за ним.

За стеной из мешков с песком, которая высилась от пола до потолка, находилась небольшая комната. У одной ее стены стояли пустые стеллажи, а у другой – одинокая узкая койка. Карл объяснил, что это наша кладовая для продуктов, но я обратила внимание, что продуктов там нет. Маленькое окно в дальнем конце кладовой закрывал большой, но тихий кондиционер. Я попыталась осознать увиденное, но решила, что подумаю обо всем завтра.

Кухня была слева от бункера. Кухня. Ярко-желтый пластиковый стол с четырьмя такими же желтыми стульями времен пятидесятых. Раковина. Плита. Холодильник. Полноразмерная морозилка. В углу стоял метровый керамический кувшин с пробкой в нижней части.

– Что это такое? – спросила я.

– Фильтр для воды, – ответил Карл. – Наливаете в него кипяченую воду, и он фильтрует все минералы.

Все просто.

Единственное окно на дальней стене было затянуто сеткой. Ставни снаружи были закрыты. Над столом висела одинокая лампочка, которая, как я впоследствии узнала, привлекала всевозможных летающих насекомых. Кроме того, она играла роль столовой для мелких ящериц, которых здесь называли *чичаками*: они приползали под лампочку, чтобы без труда добывать свой летающий ужин. Однажды вечером вскоре после нашего приезда я приготовила овощную поджарку с рисом, поставила тарелки на стол и села напротив Джона. Тут я впервые встретила с *чичаком*, который облегчился прямо мне в тарелку. Не говоря ни слова, Джон

отнес грязную тарелку в раковину и заменил ее чистой, но сначала я заставила его прогнать *чичака*. В конце концов я привыкла делить свой дом с целой популяцией *чичаков*, которые помогали контролировать популяцию насекомых. На кухне было все необходимое: по четыре миски, тарелки, стаканы и чашки, столовые приборы из нержавеющей стали, а также две огромные кастрюли, в которых можно было готовить несложные блюда.

Рядом с бункером находился простейший туалет, где не было даже раковины. В соседней комнате располагалась прачечная: там стояла стиральная машина со старомодным прессом для отжимания белья, но сушилки не было. Я быстро переложила заботу о стирке на горничную, которую мы наняли на второй день.

Мы с Джоном могли выжить в такой обстановке и даже найти в простоте свою прелесть. Словно подыскивая съемное жилье, я признала этот дом пригодным для жизни, хотя и примитивным. Позже Джон сказал мне, что он наблюдал за мной и гордился, что я не испугалась при виде бункера и спартанской обстановки. Я ответила, что меня все это не удивило, но в глубине души моему удивлению не было предела. Впрочем, я заверила Джона, что не выставила бы нас на посмешище, с визгом выбежав из этого дома. Покопавшись в своих мыслях, я поняла, что составила целый список вопросов, которые решила задать Джону позже. Это вошло у меня в привычку – я стала делать так всякий раз, когда сталкивалась с чем-то новым.

Карл провел нас на второй этаж, часть которого занимала пустая, обнесенная сеткой веранда. Пожалуй, мы могли бы поставить там пару кресел, чтобы встречать рассветы и закаты, но тогда нам это в голову не пришло. В доме я увидела стандартную комбинацию гостиной и столовой. В углу была бамбуковая барная стойка с двумя высокими стульями, вполне типичная для пляжного тики-бара на Гавайях. Я решила, что ее можно задействовать при приеме гостей. Впрочем, стульев было только два, поэтому о больших вечеринках можно было и не мечтать. (Впоследствии я пришла к выводу, что лучшие вечеринки мы устраивали вдвоем.)

В гостиной стояли большой трехместный диван, маленький диван и два стула. Их каркасы были сделаны из потертого бамбука бананового цвета, а подушки обтянуты бежевым муслином, на котором темнели грязные пятна. Подходящий по стилю круглый плетеный журнальный столик метра полтора диаметром был центром композиции и прекрасно подходил для размещения закусок и напитков. Сначала мебель показалась мне уродливой, но вскоре я полюбила ее удобство и потертый вид. Кроме того, она прекрасно вписывалась в стиль нашего дома и подходила нашему образу жизни.

Большой датский тиковый стол с шестью стульями резко контрастировал с желтой бамбуковой мебелью и тики-баром. Впрочем, я неставляла свой дом на конкурс дизайнера интерьеров. Посмотрев на обеденный стол, я вдруг поняла, что, принимая гостей, должна буду приносить еду на второй этаж. Видимо, количество блюд у нас за ужином нужно будет ограничить. В угловом окне на полную мощность работал кондиционер, который кое-как справлялся с поддержанием прохлады, но был совсем бесполезен в борьбе с влажностью. Картин на стенах не было, и интерьер дополняли лишь простенькие лампы из “Вулворта”. На всех окнах дома были деревянные ставни, закрытые снаружи. На втором этаже сетка на окнах была закрыта листами толстого прозрачного грязно-желтого пластика, который лишал ее всякого смысла. Я решила, что пластик не пускает внутрь пыль и влагу, но подумала, что еще спрошу об этом у Джона.

За столовой я увидела ванную. У входа в нее был порожек высотой в одну плитку, и я сразу поняла, что не раз споткнусь о него в ночи. Рядом с раковиной на пьедестале стояла глубокая фарфоровая ванна на ножках. Над унитазом висел большой бачок, вниз от которого тянулась цепочка с петлей на конце. Чтобы спустить воду, нужно было потянуть за эту петлю. Ванная блистала белизной плитки – чистой, почти стерильной на вид. На уровне плеча над ванной находилось окно, выходящее на задний двор, которым мы могли полюбоваться, принимая душ. Это окно не давало нам заскучать, потому что хищные *чичаки* там непрерывно

выслеживали и ловили комаров и пауков, которых затем долго пережевывали, в то время как ноги добычи торчали у них изо рта.

Позже тем же вечером Джон рассказал мне об окнах, сетках и ставнях. Стекол не было, чтобы в случае минометного обстрела не разлетались осколки. Я мысленно поставила себе пятерку, когда он подтвердил, что пластиковые листы действительно не пускают в дом пыль и влагу, но так и не поняла, зачем нужны сетки, если их все равно закрывают пластиком. Возможно, сначала на окна установили сетки, а лишь потом – пластик. В сезон дождей ставни не открывали, чтобы в дом не лилась вода. Впрочем, мы не открывали их круглый год, спасаясь от тропической жары. Джон также сказал, что в случае нападения ставни ослабляют взрывную волну, которая может превратить все внутренности в желе, даже если человек избежит прямого попадания осколков. Я решила, что для первого вечера этой информации достаточно.

В остальных комнатах не было ничего необычного. В доме было три спальни, в главной из которых работал кондиционер. Две другие были обставлены скромно, а в отсутствие кондиционеров в них стояла душливая жара. Матрас нашей двуспальной кровати лежал на деревянном каркасе – кровать была удобной, хоть и очень простой. Из другой мебели в спальне стояли комод и платяной шкаф. В доме пахло теплым деревом, как в летнем лагере или финской сауне.

Ни телевизора, ни радио, ни газет не было. Не было никакой связи с внешним миром. На следующие два года Паксе должен был стать нашим домом. Мы часто смеялись, что, начиная с самого низа, мы могли лишь подниматься вверх. Мы думали, что нас ждет долгий карьерный путь и долгая совместная жизнь.

Показав нам дом, Карл предложил сходить на базу и познакомиться с коллегами. Выходя из дома, мы не закрыли дверь на ключ, потому что замка на двери не было. Снова пересчитав все ямы на дороге, мы остановились на первом парковочном месте под зеленым навесом. Когда мы вошли в маленькую приемную, из-за стола вскочил улыбчивый молодой лаосец, с которым Карл поздоровался по-лаосски:

– Са-бай-ди.

Парень был типичным лаосцем – кареглазый, с темно-каштановыми волосами и дружелюбной улыбкой. Вопреки моим ожиданиям, на нем была не военная форма, а белая рубашка и темные брюки.

Миновав еще одну дверь, мы оказались в комнате отдыха с диванами, а затем прошли по узкому коридору до первой двери направо, где Карл остановился и нажал несколько кнопок на маленькой коробочке возле дверной ручки. Замок щелкнул, щеколда сдвинулась, и Карл открыл дверь. Я впервые увидела шифрозамок. Обычно на таких замках в ряд расположены четыре-пять кнопок, при нажатии на которые в верной последовательности замок открывается.

За дверью оказался центр поддержки командования. Нас встретил человек, который станет моим первым и лучшим другом, а также моим первым начальником в Паксе. Его звали Мак. Он работал в финансовой службе и многое рассказал мне о ЦРУ и реалиях жизни в полевых условиях. Следующий, с кем я познакомилась, был начальник центра поддержки Дик, который был приветлив, но сдержан. Когда он спросил меня, понравился ли мне дом, само собой, я ответила да. Я понимала, что это верный ответ, особенно в присутствии Карла. В центре также работал Джо, он же Сомсак, который руководил материально-техническим снабжением. Он просто улыбнулся и пожал мне руку. Сомсаком его называли, потому что таково было его лаосское кодовое имя. Все американцы обязаны были использовать при радиопереговорах кодовые имена: Джон стал Тамаком, Леон – Камсингом, Билл – Ноем, Дик – Раттаной, а Том – Ханом. В разговорах друг с другом они тоже называли друг друга лаосскими именами.

Мы вышли обратно в комнату отдыха, откуда Карл провел нас вверх, повернул налево и открыл еще один шифрозамок. Как я впоследствии узнала, шифры были разными. Каждому замку полагался свой шифр. Мы вошли в святая святых отделения ЦРУ в этом маленьком

городе на юге Лаоса. На самом деле мы оказались в кабинете, где в кабинках с панельными стенами стояли разномастные столы. Нас встречали приятные, приветливые люди.

На втором этаже слева от лестницы находился отдел связи. Верхние створки голландской двери обычно держали открытыми. На них связисты прикрепляли новостные сводки и результаты спортивных матчей. Именно в этом отделе стояло самое важное коммуникационное оборудование, работали связисты, по электронным каналам отсылавшие зашифрованные сообщения из Паксе во Вьентьян, где находилось командование операциями на территории Лаоса, а также в штаб-квартиру. Чтобы войти в голландскую дверь, нужен был такой уровень допуска, который я так и не получила в Паксе. Впрочем, мне ни разу не понадобилось войти в отдел связи.

Встречая все новых людей, я поняла, что всем новичкам здесь рады, потому что они могут рассказать, что нового дома, то есть в штаб-квартире. Кроме того, новичков можно привлечь на свою сторону в местных спорах. Мы пришли к выводу, что лучше всего держать ухо востро, не вмешиваясь в партизанские столкновения. Сохранять нейтралитет и поддерживать хорошие отношения со всеми, ведь народу здесь и так слишком мало.

Пока мы знакомились с людьми, я все гадала, как мне запомнить их имена и понять, кто чей муж или жена. Само собой, я переживала зря. Я узнала их даже слишком хорошо. Как я уже сказала, вечеринки вдвоем всегда были лучшими.

Прямо по коридору в комнате с массивной дверью находилось хранилище, которое ничем не отличалось от обычного банковского. Я увидела там сейфы, стоящие вдоль задней стены. Это хранилище стало моим владением, моим личным царством. Когда мы проходили мимо, я заметила на столе справа большой рулон коричневой бумаги. В такую же бумагу мой папа упаковывал рождественские подарки. Как ни странно, эта маленькая деталь, даже вырванная из контекста, помогла мне почувствовать себя как дома.

Я познакомилась с Джерол, женой Тома, которая также последовала за ним по делам службы и теперь работала на базе по контракту, предполагавшему оплату за фактически отработанное время. Мне предложили такой же контракт, в основном потому, что он не давал никаких льгот, позволял оплачивать мой труд по минимальному, четвертому разряду и не сулил никакого карьерного роста. Как и Джерол, я работала на полставки с понедельника по субботу и после обеда всегда была свободна. Впрочем, жизнь за пределами штаба была не слишком интересной: я читала, ела, пила, шила одежду и ходила на простенькие местные рынки.

Когда экскурсия закончилась, Джерол предложила мне меня зайти после обеда к ней в гости, а потом они вместе с Томом пригласили нас с Джоном на ужин. Итак, у нас уже появились планы и потенциальные друзья. В первое же утро Джон закружился в водовороте рабочих дел, а я вернулась домой, чтобы распаковать вещи, но очень быстро управилась с двумя чемоданами. Мне стало одиноко в моем лаосском доме, но Джону явно было чем заняться. Я гадала, смогу ли вообще найти себе достойное занятие здесь.

Штаб мне не понравился, а секретарская работа, которую мне предложили, в прошлом выходила у меня не слишком хорошо. Я улыбнулась, вспомнив свой опыт работы секретарем в Университете Северной Каролины в Чапел-Хилле, где училась в магистратуре в 1969 году, пока мы с Джоном еще не были женаты и он служил во Вьетнаме.

Чтобы получить должность секретаря в университетском медицинском училище, мне пришлось пройти собеседование, на котором интервьюер сказала, что я провалила тест на качество печати, не дотянув до необходимого минимума. Но она явно хотела как можно скорее найти человека на должность секретаря на полставки, поэтому любезно предположила, что раньше я печатала только на электрических машинках, а тест мне пришлось проходить на механической. Я кивнула. К счастью, она не видела, что в первый день работы я никак не могла понять, как включается машинка *IBM Selectric*, у которой кнопка пуска была спрятана снизу, в переднем правом углу.

Моя работа заключалась в том, чтобы перепечатывать конспекты лекций медицинского училища, и это казалось мне ужасно интересным. На машинках не было возможности удалять или заменять напечатанные символы – в моем распоряжении были лишь километры корректирующей ленты и десятки литров корректирующей жидкости. Я работала шестнадцать часов в неделю, получая два доллара в час, и жила на эти деньги. Хотя на этот раз мне сулили зарплату повыше, я не спешила вернуться к рутинной секретарской работе. Но других предложений у меня не было.

Около трех часов в первый же день за мной зашла Джерол. Со свойственной ей чуткостью она поняла, что мне одиноко. Мы пошли к ней в гости. Ее лаосский дом ничем не отличался от нашего и находился прямо за углом. Он был обнесен белым заборчиком, который казался неуместным. Полагаю, этот забор был попыткой придать жилому кварталу сходство с типичным американским пригородом на благо детям, которых теперь на базе не осталось.

Позже тем же летом белым заборам нашлось применение. Одним воскресным днем мы собрались на теннисном корте посмотреть, как наши друзья Прю и Дик побеждают другую пару в оживленном матче. Обрадовавшись победе, Прю попробовала перепрыгнуть через сетку. Зацепившись за нее, она упала на колено и явно повредила его, потому что подняться уже не смогла. Чтобы зафиксировать колено, ей к ноге приладили две оторванные от забора доски, после чего Прю увезли на самолете в соседний военный госпиталь на рентген. Она сломала коленную чашечку. Любопытно, что несчастный случай Прю стал для меня благословением: каждый день я навещала ее, выполняла мелкие поручения, узнавала ее все лучше и выясняла, какова на самом деле жизнь в Паксе. Мы стали близкими подругами, и она многое рассказала мне о том, каково быть женой сотрудника управления.

Дом Джерол и Тома был украшен лаосскими и тайскими безделушками, которые они собрали за год, проведенный на базе. Крыльцо на первом этаже они превратили в гостиную, где мы и расположились с бокалами ледяного дайкири. У меня поднялось настроение. Джерол поделилась со мной пикантными историями, пояснив, кто есть кто в ее штабе. Пока мы пили коктейли, она приготовила ужин. Мужчины пришли ближе к девяти вечера. Я поверить не могла, что уже так поздно.

За ужином Джерол и Том говорили о ведущихся спорах о том, где нам следует жить. Очевидно, они не хотели перебираться на другой берег реки, дальше от аэропорта, потому что Том считал аэропорт лучшим эвакуационным пунктом в случае нападения Вьетнамской народной армии (ВНА) на Паксе. Карлу же аэропорт виделся основной целью вражеской атаки, что подтверждалось минометным обстрелом аэропорта прошлой весной, когда снаряды разрывались со всех сторон, то улетаая слишком далеко, то не достигая цели. Том сказал, что Карл собирался выдвинуть всем ультиматум. Предложить каждому либо переехать, либо покинуть базу. Карл был главным, и у других не было права голоса. В конце концов все супружеские пары, включая нас с Джоном, Джерол с Томом, Лору с Роджером и Элси с Джимом, переехали на новое место, а холостяки остались на базе возле аэропорта. Считалось, что в случае чего они смогут держать оборону, не отвлекаясь на защиту своих семей.

Из дневника Джона:

30 июля 1971 года

За ужином говорили о прошлой эвакуации после ракетной атаки на Паксе в мае [1971 года] и возможности нового нападения. Все дома на базе оборудованы бункерами, и люди спят, держа на тумбочке аварийную радиостанцию. Было решено, что семьям будет безопаснее на северном берегу реки Седонг, куда можно перебраться по однопутному мосту. Несколько выбранных домов американизировали. Некоторые пары противились такому решению, утверждая, что база безопаснее и ближе к аэродрому на случай эвакуации по воздуху. Контраргумент заключался в том, что аэродром всегда подвержен нападению, а следовательно, все живу-

щие рядом с ним пребывают в опасности, особенно в случае недолета снарядов или неточной стрельбы. При прошлом обстреле стрельба велась так неточно, что снаряды падали по всему Паксе, на обоих берегах Седонга. Переезжающие на северный берег утверждали, что теперь им предстоит жить на подступах к городу, на пути у противника. Холостяки ничего не говорили. Они остались на базе. В итоге все семьи переехали, но споры так и не разрешились, поскольку противник больше никогда не устраивал обстрел.

Поев, мы еще выпили, и наконец мы с Джоном вернулись к себе. Было уже за полночь. Наш первый день выдался долгим. Помню, как я сказала Джону, что почувствовала себя брошенной, когда он оставил меня одну. Он ответил, что я к этому привыкну. Он объяснил, что такова специфика работы в полевых условиях. Постоянные задержки, семидневные рабочие недели. И он был прав.

Через неделю мне оформили допуск низшего уровня, чтобы я могла приступить к работе на полставки. Меня определили в центр поддержки командования, к Маку. Он давал мне на перепечатку длинные списки цифр из финансовых реестров и требовал абсолютной точности. Мак также научил меня находить неизбежные ошибки в столбцах напечатанных цифр.

Нам предписывалось ежемесячно проводить аудит, поэтому мы каждый месяц пересчитывали лежавшие в хранилище кипы, а их были целые миллионы. Когда я приехала в Лаос, официальный обменный курс составлял 500 кипов к одному американскому доллару, но затем он опустился до 1000 кипов за доллар. Отправляясь за покупками при такой экономике, мы в буквальном смысле брали с собой целую сумку кипов. Расплачиваясь кипами с местными лаосскими войсками, Мак клал пачки кипов в коробки и отвозил их на пикапе к месту дислокации. Эти дни ему явно не нравились, потому что ему приходилось брать личный пистолет. Мак часто говорил мне, что терпеть не может оружие, и я разделяла его чувства. Признавая, что мы живем в зоне военных действий, мы с Маком предпочитали оставаться в глубоком тылу.

Мак многое рассказал мне о нашей миссии в Лаосе. Он помог мне понять, что лаосское отделение играет важную роль в американской военной операции во Вьетнаме, хотя мне порой и казалось, что мы занимаемся пустяками. Он пояснил, что на юге Лаоса работает около двух десятков офицеров ЦРУ, которые препятствуют снабжению противника из Южного Вьетнама боеприпасами и пополнению его личного состава. Они обеспечивали необходимое боевое охранение для огромного американского контингента в Южном Вьетнаме. Я начинала понимать, как ЦРУ работает в таких местах. Ставка делалась не на численность, а на грамотное использование ограниченных ресурсов, что оказывало гигантское влияние на ход войны. Джон говорил мне, что гордится миссией в Лаосе, потому что американская армия бросила бы на выполнение тех же задач многие тысячи человек, а ЦРУ ограничивалось несколькими умелыми, преданными делу офицерами. Пояснения Джона и Мака казались мне вполне разумными.

22 июля 1971 года

Второй день на работе – хотя бы частично. Тыкаюсь повсюду носом, как слепой щенок. Интересуюсь, задаю вопросы. Еще не в гуще событий, но хотя бы на верном пути. Инструктажи пройдены. Съездил с Ноем на его участок. Действия ведутся малыми группами, как во Вьетнаме. У меня на глазах лаосские солдаты выбегали из вертолетов, прямо как я сам всего несколько лет назад. Противоречивые чувства. Хотелось бы быть там, а не здесь, хотя порой мне туда совсем не хочется. Вернулся в Паксе. Все спокойно. Получил джип в пользование на три дня. Мы с Марти проехали по Паксе. Она все хорошо воспринимает, хотя в спальне хранятся М-16, 9-миллиметровый пистолет и тревожный чемодан. Вечер провели вдвоем. Как чудесно быть вместе.

Вскоре я узнала, что есть разница между офицерами военизированных операций (ВО), или спецназовцами, и офицерами внешней разведки (ВР). Офицеры ВР занимались классической оперативной работой, вербуя местных шпионов, которые доносили им информацию о действиях Вьетнамской народной армии. Хорошие шпионы затем внедрялись в местное правительство и лаосскую коммунистическую организацию “Патет Лао”, благодаря чему ЦРУ оставалось в курсе распределения сил в регионе. Оперативники тайно встречались со своими агентами и платили им за информацию. Я не знала, какова относительная ценность источников, и не участвовала в обработке получаемых сведений, но агенты нередко вешали всем лапшу на уши.

Джон хорошо отзывался о двух офицерах внешней разведки – Роджере и Джеке. Он говорил, что они знают свое дело, и я полагала, что они получают хорошую информацию от своих агентов. Печальной славой во внешней разведке пользовался Скользящий Джерри, которого не зря прозвали так. Однажды он передал мне фотоснимок, который я должна была подшить в дело. Предполагалось, что на снимке место, где он встретился с важным тайным агентом. На самом деле это была фотография деревянного каноэ, стоящего на песчаном берегу непонятной реки. Стрелки на снимке указывали вправо от каноэ, за границы кадра. Джерри сказал мне, что этими стрелками было обозначено место встречи, но я видела, что оно даже не попало в кадр. Я понимала, что все это обман. С таким же успехом можно было поставить на борту каноэ крестик, чтобы отметить место, где хорошо клюет.

Я чувствовала напряжение между офицерами ВО и ВР: первые полагали, что именно они занимаются вещами, для которых всех нас направили в Паксе, а вторые знали, что собираемые сведения имеют чрезвычайную важность не только для проведения военизированных операций в Паксе, но и для понимания, что вообще происходит в Лаосе и всем регионе.

Офицеры ВО, включая Джона, Дика, Леона, Билла, Боба и Тома, руководили нерегулярными лаосскими войсками. Эти подразделения забрасывались в джунгли, чтобы преграждать войскам ВНА путь в Южный Вьетнам. Офицеры ВО также отправляли на разведку небольшие отряды, называемые дорожными патрулями, и получали от них информацию о перемещении подразделений ВНА и боевой техники по тропе Хо Ши Мина в Южный Вьетнам. Кроме того, офицеры ВО занимались подготовкой соединений нерегулярной лаосской армии и дорожных патрулей. В целом лаосские войска считались не слишком дисциплинированными и надежными.

31 июля 1971 года

Запущена масштабная операция против Саравана. Разведчики Камсинга “зафиксировали” вертолетную площадку, которую обслуживали восемь человек с одной рацией, одним пистолетом 45-го калибра и одним арбалетом. Когда первый вертолет сел в 500 метрах южнее аэродрома Саравана, старший группы разведчиков спросил Камсинга, сколько перебрасывается войск. Когда Камсинг ответил, что отправлено 1200 солдат, разведчик немного помолчал, а затем сказал: “Надеюсь, их будет достаточно”. Старший группы разведчиков знал, что лаосцы часто снимают форму, бросают оружие и убегают в джунгли, вместо того чтобы вступать в бой.

Дорожные патрули, работавшие вдоль тропы Хо Ши Мина, по рации сообщали о движении вражеских войск и боевой техники на юг. На основе этой информации разрабатывались планы высадки батальонов нерегулярных лаосских войск. Время от времени дорожные патрули возвращались в Паксе, чтобы получить новые указания и пополнить запасы.

Я проработала у Мака четыре месяца, после чего меня перевели на второй этаж работать с офицерами ВР. Поскольку я была на базе на правах супруги сотрудника управления, никому не было дела до моего высшего образования и опыта работы: мне приходилось печатать что попросят и приходить на помощь всякому, кто нуждался в моих навыках. Два раза в неделю я

становилась королевой корреспонденции, обрачивала конверты в два слоя коричневой бумаги из знакомого рулона и заклеивала все уголки клейкой лентой, чтобы документы не помялись в пути. Курьеры вручную доставляли закрытые и опечатанные пакеты с этими письмами во Вьентьян.

Кроме того, я работала делопроизводителем, то есть стояла в иерархии ниже всех. По утрам в субботу Джойс вручала мне стопку телеграмм сантиметров тридцать высотой. В ней были все телеграммы, пришедшие за неделю. Я либо подшивала их в архив, либо уничтожала. Идя на поводу у человеческой натуры и плохо понимая неочевидную важность многих посланий, уничтожала я телеграмм больше, чем отправляла в архив. Однажды ко мне в кабинет зашел Дик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.